
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 330.1: 101.1

В. Н. ТАРАСЕВИЧ,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой политической экономии
Национальной металлургической академии Украины
(Днепропетровск)*

ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: СТРОЕНИЕ, СТРУКТУРА И ГЕНЕЗИС В ФИЛОСОФСКО-НАУЧНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Рассмотрены строение, структура и генезис экономико-теоретического знания с позиций современной философии и методологии науки. Охарактеризованы базовый, уровневый и организационный блоки его строения, главные узлы и связи его сетевой структуры, а также коэволюция гипотетических, теоретических и прикладных схем. Определены главные соответствия содержательных характеристик, философских оснований, научного этоса общенаучных картин мира (классической, неклассической и постнеклассической) и картин экономической реальности (классической, неоклассической, институциональной и интеграционной).

Ключевые слова: экономико-теоретическое знание, строение, структура, генезис, сеть, схема, философские основания, научный этос, общенаучная картина мира, картина экономической реальности.

V. N. TARASEVICH,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Department of Political Economy,
National Metallurgical Academy of Ukraine
(Dnepropetrovsk)*

ECONOMIC-THEORETIC KNOWLEDGE: ITS BUILDING, STRUCTURE, AND GENESIS IN THE PHILOSOPHICAL-SCIENTIFIC DIMENSION

The building, structure, and genesis of the economic-theoretic knowledge from positions of the modern philosophy and the methodology of science are considered. The basic, level, and organizational blocks of its building, main knots and connections of its net structure, and coevolution of the hypothetical, theoretical, and applied schemes are described. The main correlations of profound descriptions, philosophical foundations, and the scientific ethics of general scientific patterns of the world (classical, nonclassical, post-nonclassical) and patterns of the real economy (classical, neoclassical, institutional, and integrational ones) are determined.

Keywords: economic-theoretic knowledge, building, structure, genesis, net, scheme, philosophical foundations, scientific ethics, general scientific pattern of the world, pattern of the economic reality.

Всю свою сознательную жизнь человек постигает искусство оставаться самим собой, изменяясь в ответ на вызовы сложного мира. Не исключено, что *непрерыв-*

ная самоидентификация посредством саморефлексии составляет смысл существования человека, а значит — и науки как его главного детища. Поэтому, даже если бы кризиса фундаментальной экономической науки (ФЭН) не было и в помине, его следовало придумать, чтобы интенсивные процессы ее самоидентификации посредством саморефлексии не прекращались, а она шла в ногу со временем, не предавая себя. В эпоху глобальных трансформаций и кризисных потрясений всего общественного здания указанная проблематика заметно обостряется, и, чтобы оставаться на высоте положения, экономистам-теоретикам и политэкономам необходимо активнее прибегать к мудрости методологии и философии науки. При прочих равных условиях, искомая ими истина более благосклонна к сопоставимо успешным в обеих ипостасях — и теоретика, и методолога. В настоящей статье внимание акцентируется на трех взаимосвязанных аспектах философско-научной саморефлексии экономико-теоретического знания — его строении, структуре и генезисе *.

О строении экономического знания

Экономическое знание (ЭЗ) изначально *универсумно*, поскольку представляет процесс и результат *постижения* человеком экономики и себя самого в контексте эволюции природы и общества **. Имея в виду характер и результаты постижения, правомерно выделить в *составе* ЭЗ вненаучное, научное и смешанное — вненаучно-научное — знания. *Вненаучное* знание включает, по крайней мере, мифологическую, магическую, религиозную, народную, художественную, экстрасенсорную, эко- и эзотерическую составляющие [1], которые объединяет преимущественно под- и бессознательный, а также чувственно-эмоциональный характер постижения. В *научном* познании и знании из трех основных компонентов сознательного начала человеческого духа (невербально-генетического, чувственно-эмоционального и вербально-теоретического) безусловно доминирует последний. Наиболее известными формами существования *смешанного* знания являются мировоззрение, менталитет и искусство науки ***. Разумеется, вненаучное и смешанное знания интересуют ученых в меру их влияния на знание научное, а также утверждения приоритетности последнего.

В зависимости от глубины проникновения в “толщу” экономических реалий в *научном* ЭЗ принято различать *экономико-теоретическое* знание (ЭТЗ) и *конкретно-экономическое* знание (КЭЗ). В *узком* смысле ЭТЗ является *результатом* функционирования и развития ФЭН. В *широком* смысле (имея в виду не только результат, но и все составляющие научной деятельности — условия, процесс, средства и т. д.) **** ЭТЗ тождественно ФЭН *****.

* Нижеследующие соображения о строении, структуре и генезисе экономического знания представляют лишь одну из дискуссионных версий, не претендуют на роль философско-научной системы, а выполняют роль ориентиров, рамок, предпосылок теоретических исследований. Здесь мы будем руководствоваться философским пониманием *строения* системы как состава ее элементов и ее *структуры* — как совокупности их взаимосвязей.

** Постигание богаче научного познания в том смысле, что предполагает освоение человеком экономических реалий посредством не только сознательного, но и под- и бессознательного начал его духа.

*** Строго говоря, смешанное знание объединяет не только вненаучное и научное, но и синергетический эффект от их взаимодействия. Подобным образом *универсумное* знание суть нечто большее, чем простая сумма вненаучного, научного и смешанного. Правда, синергетический эффект от их взаимодействия представить и определить значительно сложнее, чем такой же эффект от “столкновения” науки и ненауки.

**** Об особенностях научной познавательной деятельности, отличающих ее от вненаучных практик, написано в [2, с. 5–6].

***** Подобным образом КЭЗ тождественно конкретно-экономической науке (КЭН).

Разные *компоненты* строения самого ЭТЗ определяются соответствующими взаимосвязями его акторов (по крайней мере, автора, носителя и пользователя) между собой и с акторами и (или) компонентами жизнедеятельности, окружающей и проникающей в ЭТЗ. Понятно, что в такой постановке даже простейшая аннотация сложности указанного строения не поддается краткому описанию. Поэтому ограничимся характеристикой только основных компонентов строения ЭТЗ. С учетом *постнеклассических стандартов* соотнесенности ЭТЗ не только с изучаемым объектом и знанием о нем, но и с 1) объективным контекстом объекта; 2) экономическим и неэкономическим научными знаниями; 3) гуманистическими и социальными ценностями; 4) средствами и операциями научной деятельности, императивным является изначальное рассмотрение ключевых “*блоков*” строения ЭТЗ (базового, уровневого и форм организации знания), а также *структуры* ЭТЗ (взаимосвязей блоков, компонентов и элементов) в меж-, мульти- и трансдисциплинарном контекстах *. Иначе говоря, внутридисциплинарные проблемы современного ЭТЗ не могут быть разрешены сколько-нибудь успешно без активного использования “внедисциплинарного” научного потенциала.

В связи с изложенным *базовый блок* строения современного ЭТЗ должен быть представлен не только привычными для классической и неклассической науки онтологическим и гносеологическим компонентами, но и аксиологическим и праксеологическим, диктуемыми постнеклассикой. *Онтологический* компонент ЭТЗ во многом является производным от экономической сферы универсума в ее взаимосвязях с иными сферами (экологической, социальной, духовной, политической), *гносеологический* – от состояния и эволюции науки и научной деятельности; *аксиологический* компонент детерминирован этосом общества и науки, а *праксеологический* – процессом и условиями научной деятельности и практического применения ее результатов.

Онтологический компонент включает, по крайней мере, два сложных элемента: 1) *объективные условия* эволюции ЭТЗ, и в том числе – цивилизационные (в разных мировых цивилизациях ЭТЗ обнаруживает весьма значимую специфику), экономические и конкретно-исторические; 2) *картину* экономического мира, или *экономической реальности* (КЭР) как целостный образ экономической сферы универсума, особую форму систематизации существующего экономического знания, и в том числе научного. Разумеется, в КЭР концентрируются, прежде всего, представления о первичных, фундаментальных объектах, их типологии, закономерностях и законах их движения и взаимодействий, пространственно-временном строении экономики [4, с. 147]. Однако нельзя недооценивать и исключать из состава КЭР те элементы, которые репрезентуют отображение на КЭР *общенаучной картины мира* (ОНКМ), ее естественно- и общественнонаучной составляющих, а также *специальных картин мира* – дисциплинарных онтологий наук, интерактивно взаимодействующих с ФЭН.

В *гносеологическом* компоненте равно важны и *традиционные* сложные элементы: 1) философские основания и предпосылки ЭТЗ; 2) критериальные характеристики научной деятельности, ее субъекта, объекта, предмета, условий, средств

* Не вдаваясь в полемику о качественной определенности меж-, мульти- и трансдисциплинарности, примем во внимание, что *междисциплинарность* предполагает использование в одной научной дисциплине онтологии и методологии других научных дисциплин; *мультидисциплинарность* означает объединение, интеграцию двух и более научных дисциплин для создания новой онтологии и методов изучения ее объектов; *трансдисциплинарность* соразмерна общенаучности и характеризуется универсальностью онтологических и методологических научных постулатов и принципов (см., например, [3]).

и результатов, в том числе применительно к ЭТЗ; 3) методологические принципы, методы и инструменты научных исследований, язык и категории ЭТЗ; и относительно *новая* 4) саморефлексия ФЭН, бурно *развивающаяся* в современных условиях и представленная не только историей экономических учений и методологией ФЭН, но и философией ФЭН, а также рождающейся наукой о ФЭН.

Основное содержание *аксиологического* компонента образуют, *во-первых*, непосредственно воздействующие на науку гуманистические, нравственные *ценности*, и *во-вторых*, — *этос* науки. Его инвариантное ядро — установка на получение и рост предметного, объективного и истинного знания, позволяющего выходить за рамки предметных структур существующей действительности и открывать возможные миры будущего практического освоения [4, с. 162–163]. Важными элементами этоса науки являются *идеалы и нормы* научного *описания и объяснения* (например, принципы эволюции, исторической реконструкции, целостности, дополнительности, аппроксимации); *доказательности и обоснованности* знания (императивы соответствия, наблюдаемости, экспериментальной проверки, этической экспертизы), а также *построения и организации* знаний (соотнесенность со средствами и операциями научной деятельности, междисциплинарность, комплексность [5], интерактивность, сетевые коммуникации).

Ключевые характеристики *праксеологического* компонента являются наиболее дискуссионными, поскольку сравнительно недавно стали активно изучаться методологами и философами науки. Тем не менее уже очевидно значительное сближение позиций в отношении таких сложных элементов, как 1) организация и *технология* научных исследований; 2) предпосылки и механизмы *практического применения* научных результатов.

В современных условиях указанные компоненты базового блока строения ЭТЗ самоценны и в этом смысле равноценны. Их ранжирование по степени значимости может быть продиктовано, главным образом, спецификой объекта и предмета научного исследования, его целями и задачами. Игнорирование же того или иного компонента контрпродуктивно в любой научной ситуации.

Это верно и в отношении компонентов *уровневого строения* ЭТЗ. Как правило, в соответствии с господствующими *общенаучными* стандартами, принято выделять *два* основных *уровня* — *эмпирический* и *теоретический*. Правда, среди методологов и философов науки есть приверженцы и трехуровневой модели. Так, по мнению С. Лебедева, третий уровень научного знания должен быть представлен метатеоретическим знанием, обнимающим общенаучное знание и философские основания науки [6, с. 70–74], то есть как раз те элементы, которые отнесены нами к гносеологическому компоненту базового блока. Если же акцентировать *специфику* ЭТЗ, для которого принципиально важны (в отличие, например, от математического теоретического знания) последовательные *этапы* познания (от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике [7, с. 152–153]), а также эшелонирование по уровням абстрактности^{*}, то вполне оправданным представляется выделение, наряду с эмпирическим и теоретическим, *прикладного* знания. Рассмотрим этот пункт подробнее.

Указанные уровни *научного* знания предвещает *донаучное* чувственно-эмоциональное знание как совокупность *чувственных объектов*, являющихся результа-

---

^{*} О. Ананьин вполне доказательно различает пять эшелонов ЭЗ: абстрактную теорию, базовое типологическое знание, системную экономическую компаративистику, прикладное стратегическое знание, прикладное оперативное знание (или экономическую инженерию) [9, с. 250–253].

том взаимодействия чувственно-эмоционального слоя сознания субъекта познания с реальными объектами. Разумеется, такое чувственное созерцание может целенаправляться собственно научной деятельностью, но, как правило, для более быстрой и качественной трансформации чувственных объектов в *эмпирические* в частности и чувственного знания — в эмпирическое вообще.

Эмпирическое познание предполагает взаимодействие вербально-теоретического слоя сознания субъекта, главным образом, с чувственным знанием и чувственными объектами, а в более конкретном (так сказать, “технологическом”) плане — выработку исследовательской программы, организацию наблюдений, эксперимента, описание наблюдаемых и экспериментальных данных, их классификацию, первичное обобщение [8, с. 311–312], результатом чего является собственно *эмпирическое знание*. Его основные элементы уместно расположить по принципу логической выводимости от простейших к более сложным: 1) единичные *высказывания* или протокольные предложения; 2) *факты* как индуктивные обобщения единичных высказываний (поскольку факты фиксируют и акцентируют вполне определенные и актуальные для данного исследования свойства и отношения чувственных объектов, игнорируя иные свойства и отношения, постольку они обретают статус *эмпирических абстрактных объектов* (ЭАО) [6, с. 63]); 3) *эмпирические правильности* — различные эмпирические зависимости (прежде всего, статистические и функциональные) между ЭАО; 4) *эмпирические абстрактные схемы* (модели) (ЭАСх) — логически организованное множество, совокупность взаимосвязанных ЭАО и эмпирических правильностей. ЭАСх — наиболее общий и развитый элемент эмпирического знания, которое является *гипотетическим* по определению [6, с. 64] и на траектории восхождения от чувственно-конкретного к абстрактно-теоретическому занимает промежуточное положение.

Важнейшей субстанциональной характеристикой *теоретического познания* является целенаправленное воздействие вербально-теоретического слоя сознания субъекта на эмпирическое знание, на ЭАО, а также на имманентные и адекватные этому слою *теоретические абстрактные объекты* (ТАО), в результате чего образуются ТАО разной степени абстрактности и сложности, устанавливаются сущностные связи между ними и формируются основы разных *форм организации* (систематизации) *научного знания* или *научных конструкций* (например, концепции, теории, учения и т. п.). Такое воздействие осуществляется посредством *методов* абстрагирования, интеллектуальной интуиции, мысленного эксперимента, моделирования, генетически-конструктивного и др. В отличие от ЭАО, ТАО наделяются не только признаками, которыми обладают соответствующие чувственные и эмпирические объекты, но и признаками, которыми последние видимым образом не обладают [4, с. 68] (например, “однородная продукция” и “полный объем информации” как признаки совершенной конкуренции). В зависимости от способа конструирования допустимо различать *два рода* ТАО. ТАО *первого рода* являются результатом абстрагирования ЭАО — мысленного усиления (ослабления) степени интенсивности их отдельных свойств до максимально (минимально) возможного, предельного значения, принципиально ненаблюдаемого, а потому — имманентного “чистому” мышлению [6, с. 65]. В том числе и таким образом исследователь идентифицирует глубинные *сущностные признаки* (характеристики) изучаемого объекта, его предельные абстракции. ТАО *второго рода* вводятся гипотетически или по определению (что особенно характерно для математики [6, с. 65]), в том числе из других отраслей научного знания [4, с. 492].

ТАО обоих родов служат главным “строительным” материалом для возведения *частных и фундаментальных теоретических схем* (моделей). Любая подобная схема — это система ТАО вполне определенной степени сложности и общности. В зависимости от масштаба и характера репрезентации реалий различают, по крайней мере, *два вида* частных теоретических схем (ЧТСх). ЧТСх *первого* вида претендуют на адекватное отражение изучаемого объекта как *целостности* в его главных идентификационных характеристиках, причем на его разных уровнях: 1) от эмпирических поверхностных форм — до субстанциональной сущности, что отвечает восхождению от эмпирически-конкретного к предельно абстрактному, то есть поэтапному вербально-теоретическому освоению все более глубоких уровней объекта, все дальше отстоящих от уровня явлений и эмпирических форм; 2) от теоретически познанного сущностного уровня объекта — до теоретически выведенных, редуцированных и тем самым объясненных и обогащенных поверхностных форм, что соответствует известному восхождению от предельно абстрактного ко всеобще-конкретному, которое К. Маркс назвал правильным в научном отношении методом и образец которого представил в “Капитале” *. ЧТСх *второго* вида являются результатом теоретического познания *отдельных частей*, элементов объекта на их разных уровнях. В зависимости от степени общности и детерминизма связей между ТАО ЧТСх формируются в виде зависимостей (например, функциональных), закономерностей или законов.

Исторически ЧТСх предшествуют *фундаментальной теоретической схеме* (модели) (ФТСх). Последняя суть результат активной вербально-теоретической обработки первых и представляет совокупность ТАО предельной степени общности и абстрактности, взаимосвязи которых являются выражением базисных объективных законов движения изучаемого объекта. Подобно ЧТСх, ФТСх имеет системную организацию, но это — система ТАО субстанционального, наиболее глубокого уровня. В свою очередь, ЧТСх и ФТСх являются подсистемами *теории* как сложной системы. Сложной, по крайней мере, в двух отношениях. *Во-первых*, в современной теории не столько ФТСх рождается из ЧТСх, сколько ЧТСх разных уровней сложности и приближенности к поверхности экономической жизни редуцируются, выводятся из ФТСх, причем “материалом” для построения ЧТСх, дальше отстоящей от ФТСх, служат и последняя, и ЧТСх, расположенные к ней ближе, чем конструируемая. *Во-вторых*, в теории как в сложной логической конструкции сконцентрированы, “сжаты” не только основные исторические этапы ее *становления* (“очищенные” от случайностей), но и направления, элементы механизма ее дальнейшего *развертывания*, в том числе посредством формирования новых ЧТСх.

Теоретическое знание является необходимой предпосылкой и в известной мере составляющей *прикладного научного знания*, которое в современных условиях по праву может претендовать на статус *уровня* экономического научного знания — и фундаментального, и конкретного. Вероятно, *абсолютное* доминирование прикладного знания соответствует тому состоянию науки, которое А. Ракитов называет “*синтагматическим*”. *Синтагма* представляет собой *систему знаний*,

---

* Убедительным примером восхождения от абстрактного к конкретному является движение теоретической мысли от прибавочной стоимости как сущности — через ряд последовательных и все далее отстоящих от нее форм (в том числе превращенных) (годовая масса прибавочной стоимости, прибыль, средняя прибыль) — к превращенным формам, фигурирующим на поверхности экономической жизни (торговая прибыль, земельная рента, предпринимательский доход и процент).

которой присущи признаки технологизации, заочности, конструкционности, междисциплинарности, экономизации и которая предназначена для решения *прагматических* задач [10] *. Выполненное О. Ананьиным фундаментальное исследование генезиса, содержания, роли и значения прикладного компонента ЭЗ позволило определить современную *прикладную экономику*, находящуюся на стыке теории и практики, как старинное *искусство экономики*, оплодотворенное теоретической мыслью трех веков развития экономической науки. Речь идет об искусстве отбора, комбинирования и применения ЭТЗ для решения практических задач хозяйственной жизни общества. В более конкретном аспекте имеются в виду *диагностика* реальных экономик, *прогнозирование* социально-экономических процессов, разработка экономико-политических *стратегий и программ*, вариантов реформирования экономических институтов (*институциональный дизайн*) [9, с. 5–63, 250–253].

В связи с изложенным весьма значимыми представляются следующие констатации. *Во-первых*, прикладное научное знание и каждый его элемент включают взаимосвязанные научную и вненаучную составляющие – соответственно, прикладное научное и прикладное вненаучное знания. *Во-вторых*, прикладное научное экономическое знание является необходимым и относительно обособленным уровнем (наряду с эмпирическим и теоретическим) и фундаментально-научного (экономико-теоретического), и конкретно-научного. Следовательно, *некорректно отождествлять* прикладное научное экономическое знание и КЭН: первое является одним из уровней последней, хотя и более развитым, “влиятельным” в сравнении с таковым в ЭТЗ. *В-третьих*, необходимо различать два смысла *искусства* экономики. Его *узкий* смысл отвечает трактовке О. Ананьиной – искусство отбора и комбинирования научных знаний для решения практических проблем [9, с. 61]. Искусство экономики в *широком* смысле представляет, наряду с мировоззрением и менталитетом, общенаучный и вненаучный контекст (“ближайшее окружение”) ЭЗ вообще и ЭТЗ в частности. *В-четвертых*, главными элементами прикладного ЭТЗ являются *прикладные абстрактные объекты* (ПАО) и *прикладные абстрактные схемы* (модели) (ПАСх) как системы ПАО разных степеней сложности и конкретизации. Они рождаются из взаимодействия, *столкновения* ТАО и ЧТСх с реальной практикой как сознательной деятельностью по преобразованию изучаемого объекта, то есть той части экономической реальности, которая изначально была источником чувственно-эмоциональных данных, эмпирического материала и в результате вербально-теоретической обработки обрела теоретический образ. В этой связи в ПАО и ПАСх интегрированы и 1) трансформированные таким столкновением ТАО и ЧТСх; и 2) обоснованные на их базе цели, задачи, способы практического преобразования объекта, его желательный или нормативный образ; и 3) соответствующие компоненты прогнозов, стратегий, программ и планов.

Формы организации (конструкции) ЭЗ

Наименования	Содержательные характеристики
Концепция	Определенный способ понимания, трактовки объекта, основная точка зрения на него, руководящая идея его систематического освещения [11, с. 279]
Гипотеза	Научное допущение или предположение, истинностное значение которого неопределенно [11, с. 124]

* Современная экспериментальная экономика является одним из свидетельств реальности синтагматического “поворота”.

Окончание таблицы

Теория	Целостное научное представление о существенных связях изучаемого объекта, законах и закономерностях его движения [11, с. 649]
Учение	Совокупность или система научных идей, взглядов, теорий, принадлежащих ученому и (или) отражающих исторический процесс познания объекта [12, с. 21]
Школа	Совокупность учений, объединяющих базовые идейные принципы, а также общность и (или) преемственность методов изучения объекта [12, с. 21]
Течение	Совокупность школ, предлагающих альтернативные варианты или модификации развития единых исходных принципов экономических исследований [12, с. 21]
Направление	Совокупность течений, имеющих значительные различия, но отстаивающих некоторые общие принципиальные положения [12, с. 21]
Парадигма	Совокупность убеждений, ценностей, моделей постановки и решения научных проблем [13, с. 228]
КЭР	Интегративная система представлений, которая вводит обобщенный образ изучаемого объекта в его главных системно-структурных характеристиках соответственно определенному этапу развития и функционирования науки [4, с. 129, 490]

Итак, видение изучаемого объекта, приближающееся к целостному, может обеспечить не какой-либо один уровень ЭТЗ (его познавательной “силе” может покориться лишь строго адекватная *часть* объекта), а *система* уровней, образующих уровневый блок ЭТЗ. Подчеркнем – видение, всего лишь *приближающееся* к целостному, поскольку указанный блок есть только *часть* ЭТЗ, а не ЭТЗ в целом, тогда как ЭТЗ – всего лишь одна из составляющих ЭЗ.

Это обстоятельство обнаруживает свою методологическую значимость и при рассмотрении блока *форм организации* (систематизации), *или конструкций* ЭЗ. Представленные в таблице некоторые общепринятые содержательные характеристики этих конструкций получены в результате их осмысления, как правило, в пределах “родовых” для них компонентов ЭЗ. Например, для теории “родовым” является теоретический уровень ЭТЗ, и именно содержание последнего отражено в характеристиках первой. Подобным образом КЭР “обязана” своей идентификацией, прежде всего, онтологическому компоненту ЭТЗ. Правда, признаки преодоления такого *текстуального* подхода, рождающего хотя и существенные, но *узкие* смыслы, заметны уже в характеристиках парадигмы (да и КЭР), которые несут на себе “печать” не только онтологического, но и гносеологического и аксиологического компонентов ЭТЗ. Однако такой *контекстуальный* подход пока не является господствующим и достаточно разработанным. Между тем в условиях усложнения изучаемого объекта, с учетом его погруженности в универсумное темпоральное пространство, именно открытость, контекстуальность и интегративность должны доминировать над автаркичностью, текстуальностью и дифференцированностью.

О структуре ЭЗ

С учетом изложенного содержательные характеристики ряда конструкций ЭЗ, представленных в таблице, могут быть некоторым образом обогатены и конкретизированы (рис. 1). Так, разные *течения* (например, маршаллианское и вальраианское) объединяет в одно *направление* ЭТЗ (неоклассическое) приверженность одним и тем же *мировоззренческим* принципам (либерализм), *философским* осно-

ваниям (позитивизм), *идеологическим* установкам (апология частной собственности), *онтологическим* позициям (экономика как свободный рынок) (на рисунке 1 соответствующие связи обозначены линией). Подобным образом эксклюзивными характеристиками *течения* (например, маршаллианского) могут считаться единые для его разных *школ* (монетаризм, экономика предложения и др.) не только определенное *видение объекта* (акцент на фрагментации общего рынка – в отличие от вальрасианской холистичности), но и *методологические принципы* (теория как “ящик” с инструментами – в отличие от вальрасианской “чистоты” теории), *акценты* на определенном *уровне* ЭТЗ (прикладном – в отличие от вальрасианского теоретического), *идеалы и нормы* доказательности и обоснованности знания (например, необязательность истинности предпосылок теории, по М. Фридмену) (на рисунке 1 соответствующие связи иллюстрируются линией).

Школы (например, чикагская школа монетаризма) отличают общность и преемственность методов исследования (особые функциональные), *угол видения* объекта (денежная экономика), а также соответствующие организация и технология исследований. В развитом *учении* (например, А. Смита и К. Маркса) теории, исторически и последовательно параллельно следующие друг за другом и сосуществующие, “настроены по камертону” более поздней и развитой теории с учетом универсумной индивидуальности ученого (на рисунке 1 соответствующие связи школы и учения с компонентами ЭЗ обозначены линией).

Судя по изложенному, может создаться впечатление о большей степени контекстуальности более сложных конструкций ЭЗ: состав связей *направления* с компонентами ЭЗ богаче в сравнении, например, с составом связей *школы*. С этим трудно спорить. Так, и картина реальности, и парадигма, имея “родовые” корни, соответственно, в онтологическом и гносеологическом компонентах, могут быть адекватно идентифицированы только во взаимосвязях практически со всеми компонентами ЭЗ. Однако и концепции, и гипотезы, и теории не возникают ниоткуда. Изначально, с момента рождения, они вполне определенным образом “встроены” в систему экономического и универсумного знаний. Собственно, именно эволюции этой системы они во многом обязаны своим рождением и последующим развертыванием. На этом фоне, в широком знаниевом контексте, отнюдь не парадоксальными выглядят словосочетания “теоретическая концепция”, “концептуальная теория”, “эмпирическая гипотеза”, “теоретическая гипотеза” и др. (на рисунке 1 соответствующие связи представлены линией). Все дело в том, чтобы обозначенный таким словосочетанием философско-научный аспект той или иной научной конструкции был адекватен ее содержательному наполнению.

Структура ЭЗ отнюдь не исчерпывается представленным на рисунке 1. *Во-первых*, “за кадром” остаются *качественные* особенности связей. Являются ли они, к примеру, детерминистскими, вероятностными, иерархическими или синархическими, гетерархическими, анархическими? В науке описаны также связи генетические, генерационные, автопоэтические, сукцессионные, симбиотические, коэволюционные, коммуникативные, конкурентные и др. [14, с. 326–341]. *Во-вторых*, структуре ЭЗ присущ сложный *сетевой* и многомерный характер, который невозможно отобразить на плоскости. В составе сети – по крайней мере, *три корпуса* связей: 1) внутренние связи ЭЗ и его составляющих; 2) внешние связи ЭЗ и его составляющих; 3) смешанные, производные связи.

Корпус *внутренних* связей включает связи: 1.1) внутриэлементные (например, между ТАО теоретической схемы); 1.2) межэлементные внутрикомпонентные (между ЧТСх и ФТСх); 1.3) межкомпонентные внутриблоковые (между эмпири-

Рис. 1. Схема строения и структуры ЭЗ

Условные обозначения: К – концепция; Г – гипотеза; Т – теория; У – учение; Ш – школа; ТЧ – течение; Н – направление; КР – картина реальности; П – парадигма.

ческим и теоретическим знаниями; между гносеологическим и аксиологическим компонентами); 1.4) межблоковые внутривидовые (такие связи характерны для знания не только научного (например, между формами его организации и уровнями), но и вненаучного (например, между религиозным и народным), а также смешанного (между мировоззрением и искусством экономики)); 1.5) межвидовые (между научным и вненаучным знаниями и их составляющими).

Корпус *внешних* связей охватывает множество связей ЭЗ и его составляющих с различными универсумными образованиями – экологическими, экономическими, социальными, духовными, политическими. Например, в поле зрения науки находятся влияние социальной структуры общества на условия, процесс и результаты научной деятельности или воздействие научных разработок на политические решения и действия.

Корпус *смешанных* связей представлен многочисленными сочетаниями внутренних и внешних связей. Речь идет, например, о связях в “четырёхугольнике” “экономические реалии – мировоззрение – картина экономической реальности – теория” или в “треугольнике” “эмпирия – социальная структура – концепция” *.

К пушиим важности и сложности строения и структуры ЭЗ, каждая его составляющая объективно “вплетена” в указанную сеть, является одним из многих ее узлов и может быть *полноценно* идентифицирована только в этом качестве. Речь идет не только о видах, блоках и компонентах, но и о сравнительно менее сложных составляющих ЭЗ – таких, как аксиомы, закономерности, законы, идеи, категории, леммы, объект, предмет и т. п. Каждая из них, вне зависимости от принадлежности к тому или иному блоку и (или) компоненту ЭЗ, а также соответственно обстоятельствам (цели и задачам исследования, характеру изучаемого объекта, качеству доступных исследовательских средств и т. д.) может выступать *центральным узлом* сети или ее части (подсети) и тем самым обогащать свои сущностные, “текстуальные” характеристики разными “контекстуальными” характеристиками, определяемыми актуализированной подсетью. Иначе говоря, в зависимости от актуализированного сетевого контекста каждый узел сети (составляющая ЭЗ) обретает *широкие смыслы*, различающиеся между собой. Следовательно, идентификация и претендующая на достаточную полноту характеристика, например, такого узла, как *теория*, предполагает определение и рассмотрение наиболее адекватных ей и адекватных друг другу 1) составляющих строения ЭЗ и 2) подсети ЭЗ. Не претендуя на такую полноту, обратим внимание лишь на некоторые аспекты.

В корпусе *внешних* связей для отечественной науки традиционно актуальна детерминация научной деятельности и ее результатов объективными *социально-экономическими реалиями*. С этим трудно спорить, поскольку в современных условиях интересы различных социальных групп во многом определяются экономическими процессами и, в свою очередь, диктуют тот или иной образ мыслей, формируют социальный “заказ” на соответствующие идеи, концепции, теории. Но именно “во многом”, а не “во всем”. Почему, например, родиной методологического индивидуализма является Западная Европа, а не Юго-Восточная Азия, а императивы исламской экономики не приживаются в католическо-протестантском мире? Специфика культуры той или иной мировой цивилизации неизбежно отражается на ее экономике и соответствующем ЭЗ. Правда, это влияние – не столько прямое, сколько опосредованное, ведь в цивилизационной культуре вербально-теоретический слой отнюдь не доминирует. Необходимыми “посредниками” выступают, по крайней мере, философские основания культуры, картина мира, а также этос науки.

* Как видим, на рисунке 1 отражены лишь некоторые связи из групп 1.2, 1.3, 1.4 и 1.5.

По справедливому замечанию В. Степина, в процессе *философской рефлексии* над универсалиями культуры они превращаются в особые идеальные (абстрактные) объекты, результатом мысленных экспериментов с которыми может стать формирование *принципиально новых* категориальных смыслов и схем, способных обеспечить постижение объектов принципиально новой системной организации по сравнению с теми, которые осваивает практика соответствующей исторической эпохи. Иначе говоря, из “копилки” тысячелетней культуры философия извлекает именно те “бриллианты”, которые, будучи ею “ограниченными”, обработанными, способны ответить на вызовы настоящего и будущего. Тем самым философия инициирует пропедевтическую связь с наукой и готовит для нее своеобразную предварительную программу понятийного аппарата. Это — *во-первых*. *Во-вторых*, философия “поставляет” науке обосновывающие постулаты, а также идеи и принципы, обеспечивающие эвристику поиска [4, с. 176–177, 190–192] и питающие методологический потенциал науки. Тем самым целенаправляются становление и (или) перестройка и картин мира, и этоса науки [4, с. 176–177, 190–192]. Разумеется, последние не остаются “в долгу” перед философией. Обозначенные связи являются детерминантными и пропедевтическими *в обоих направлениях*, хотя, конечно, по их каналам философия получает знаниевый продукт, отличный от транслируемого ею.

Обратим внимание на активно развиваемый конструкт “картина мира (реальности)” как особую форму организации (систематизации) знаний. По критерию постижения (научно-вненаучного) и (или) познания (научного) определенной сферы универсума (мира), как правило, выделяют *общую* и *философскую* картины мира, в которых представлен обобщенный научно-вненаучный образ универсума, а также *научные* картины мира: 1) *общенаучную*, формирующую целостный образ Вселенной, жизни, общества и человека [4, с. 490]; 2) *естественнонаучную*, описывающую образ природы в космическом измерении; 3) *общественнонаучную*, создающую образ человеческого общества; 4) *дисциплинарные* (локальные) и *внутридисциплинарные*, имманентные соответствующим научным дисциплинам. Нередко дисциплинарные (внутридисциплинарные) картины мира называют “картинами реальности”, имея в виду 1) представляемый ими объект науки и 2) их “родовую” принадлежность онтологическому компоненту базового блока строения теоретического знания (см. рис. 1). В силу многозначности и полисемии куновского понятия “парадигма” [10, с. 102] может сложиться впечатление о сравнительной содержательной бедности конструкта “картина мира”. Но это только впечатление. Будучи взятым во взаимосвязях с иными компонентами знания, он отнюдь не проигрывает конструкту “парадигма” в содержательности и заметно выигрывает в четкости, определенности, структурированности и операциональности.

Разумеется, нас интересует, прежде всего, КЭР. Ее главный продукт — *целостный образ экономики*, но не замкнутой и автаркичной, а общественной и универсальной. Следовательно, если в КЭР не инкорпорированы соответствующие компоненты передовых (по крайней мере, общенаучной и общественнонаучной) картин мира, а также смежных дисциплинарных и внутридисциплинарных онтологий, то она не сможет качественно выполнять возложенную на нее миссию. О чем идет речь? *КЭР целенаправляет весь жизненный цикл теории*. В категориях классической рациональности КЭР всегда *предшествует* теории. И хотя современная постнеклассика демонстрирует примеры возникновения теорий *до* формирования адекватных специальных (дисциплинарных) картин мира (что наиболее характерно для физики и генетики), все же эти новые теории неизбежно “питаются” той картиной мира, которая предшествует картине, еще не созданной и только “пробуждающейся”. В любом случае генетические связи весьма рельефны. Анализируя КЭР,

экономист-теоретик, по крайней мере, обнаруживает “целинные” области предмета, формулирует цель и программу исследований, выбирает методический инструментарий и терминологию. Общность и *образность* КЭР – плодородная “почва” для концепций и гипотез, необходимое условие формирования ТАО и теоретических схем. Только посредством связей с КЭР теория обретает онтологический статус [4, с. 124, 146, 149, 200] и получает “разрешение” на прикладные разработки. Воспринимая теоретические новации, КЭР обогащается ими, одновременно тестируя их же на соответствие образу изменчивого объекта.

Углубляясь в изучение КЭР, нельзя забывать о ее связях с ОНКМ. С известной долей условности можно утверждать, что трем крупным этапам эволюции науки – классическому, неклассическому и постнеклассическому – отвечают *одноименные* ОНКМ. Принимая во внимание их подробную характеристику в философско-научной литературе [5], ограничимся схематичной репрезентацией их базовых содержательных признаков (рис. 2). Как видим, в *классической картине* образ мира адекватен *простой системе* механического типа, свойства которой как целого полностью определяются состоянием и свойствами ее частей. Такой системе присущи редукционизм (и в том числе – *сводимость* свойств целого к свойствам его частей); жесткий детерминизм и причинность; доминирующие стационарность и линейность; бессубъектность (в том смысле, что субъект познания находится вне системы и, как правило, противостоит ей). В *неклассической картине* мир представлен *сложной саморегулирующейся системой* с уровневой организацией, с набором отрицательных и положительных обратных связей, а также с преобладающими признаками холизма, субъектности, динамизма, неустойчивости и стохастичности, мягкого детерминизма и вероятностной причинности. *Постнеклассическая* ОНКМ отражает универсальную эволюцию *сверхсложной человекообразной самоорганизующейся системы*, которой имманентны самоорганизация на основе сетевых взаимодействий; самовоспроизведение и саморегуляция с фазовыми переходами; открытость и нелинейность; процессуальность и когерентность; кооперативные эффекты; субъектная объектность и (или) объектная субъектность актора.

Принципиальная особенность ОНКМ заключается в том, что, сосуществуя относительно обособленно и тем самым решая особые познавательные задачи, каждая исторически последующая ОНКМ одновременно включает предыдущую в качестве особой и соответствующим образом преобразованной составляющей. Итак, постнеклассическая ОНКМ является сложной системой, интегрированным целым, свойства которого не исчерпываются свойствами ее частей (классической, неклассической и *собственно* постнеклассической) *.

В ФЭН тенденции дифференциации пока не противостоит равная по мощи и масштабам тенденция интеграции знания, а потому ни одна из основных сосуществующих внутридисциплинарных онтологий (классическая, неоклассическая и институциональная КЭР **) не может претендовать на роль *интегратив-*

* Речь идет не только о собственно постнеклассических характеристиках ОНКМ, но и о результатах их взаимодействия с классическими и неклассическими. Впрочем, эти результаты отнюдь не очевидны и ждут своих первооткрывателей.

** Содержательно классическая и неоклассическая КЭР несколько отличаются от известных производственно-продуктовой и поведенческой. Если учесть, что классической КЭР в большей степени отвечает трудовая теория стоимости, поведенческой – теории предельной полезности и факторов производства, а классической, неоклассической и институциональной – стоимостная, полезностная и социальная парадигмы, то становится очевидной опора кейнсианства и монетаризма преимущественно не на классическую или производственно-продуктовую КЭР, а на неоклассическую, поведенческую. Поскольку же в неоинституционализме с помощью неоклассического инструментария анализируется именно институциональная проблематика, постольку он в большей степени отвечает не неоклассической КЭР, а институциональной.

ной. Разумеется, в их взаимодействиях нельзя не видеть элементы диалектического отрицания и кумулятивной преемственности, однако последним пока далеко до искомого доминирования. Об этом свидетельствует критическая характеристика КЭРО. Ананьиным, а также классической, неоклассической, кейнсианской и институциональной теорий – Р. Гринбергом и А. Рубинштейном [15, с. 47–132]. Указанная характеристика сама по себе (равно как и ее дальнейшее использование) освобождает нас от перечисления содержательных признаков КЭР. Заметим лишь, что *классическая* КЭР представляет собой образ объектно-субъектной экономики как преимущественно простой системы, *неоклассическая* – соответственно, саморегулирующейся рыночной экономики, а *институциональная* – экономики как сложной системы неформальных и формальных институтов.

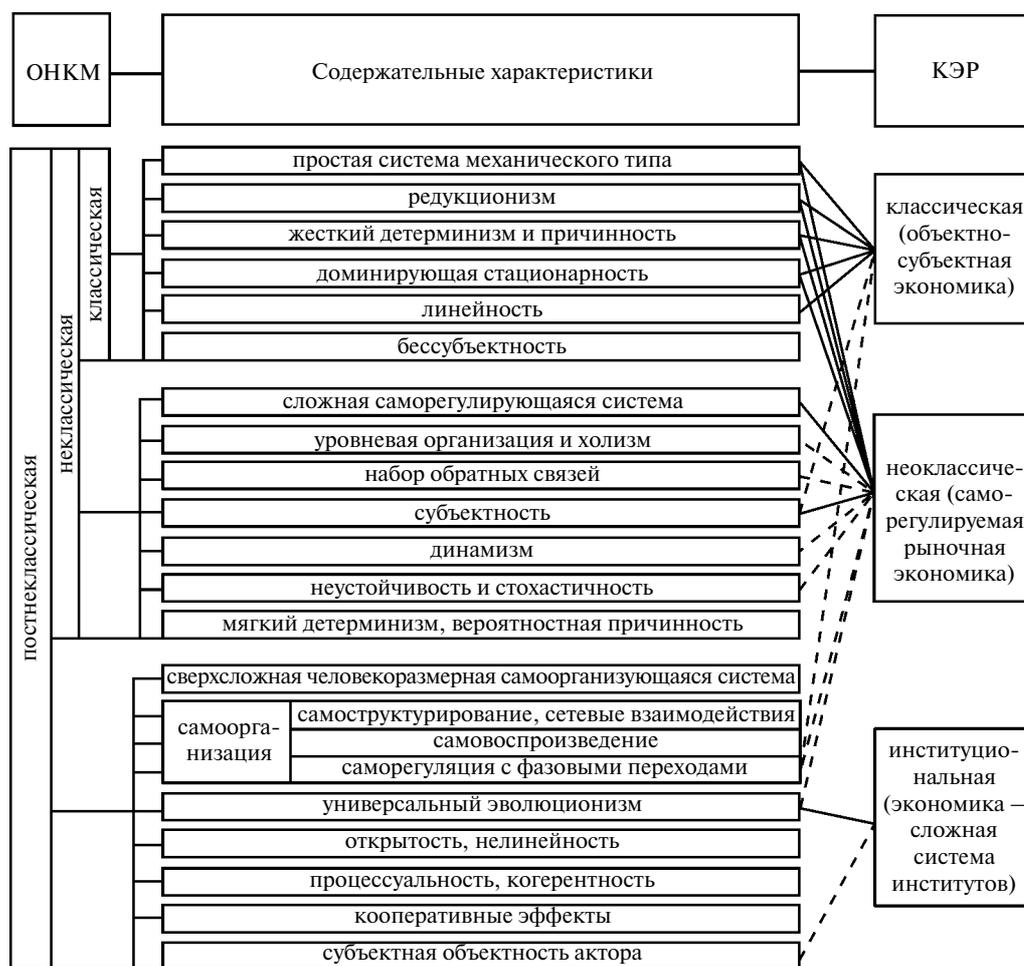

Рис. 2. Содержательные характеристики ОНКМ и КЭР

КЭР и соответствующие им научные конструкции всегда испытывали определенное *целенаправляющее воздействие ОНКМ*, прежде всего господствующих – как неизменных законодателей научной моды. Например, известные механизмы, редукционизм, монизм, жесткий детерминизм, стационарность, вневходимость субъекта классическая КЭР восприняла от классической ОНКМ (на рисунке 2 такое доминирующее влияние обозначено непрерывной линией). Еще только зарождающаяся неклассическая ОНКМ сообщила классической КЭР важные, хотя и ведомые, не доминантные для нее качества субъектности и саморегулируемос-

ти (см. пунктир на рисунке 2) *. Субъектность, саморегулируемость, отрицательные обратные связи (в большей степени), динамизм и неустойчивость (в меньшей степени) неоклассической экономической реальности корреспондируют с соответствующими признаками неклассической ОНКМ.

Признавая преимущественно *ведомый* статус ФЭН в ее методологических взаимосвязях с естественными науками, следует подчеркнуть, что она никогда не удовлетворялась ролью простого *реципиента*. Так, имея дело с человеческой деятельностью, преобразующей естественную природу и создающей альтернативную искусственную природу, ФЭН *изначально* не могла быть ортодоксальной в такой же степени, как, например, классическая механика И. Ньютона. В жесткие классические рамки явно не вписывались марксистский тезис об изменении самого человека в процессе его воздействия на природу, последовательный субъективизм австрийской школы, дуализм и дополнительность теории цены А. Маршалла, историзм и эволюционизм немецкой исторической школы и учения К. Маркса. Экономисты-теоретики не без гордости могут считать эти и ряд других разработок своих великих предшественников и учителей *предвестниками* неклассической ОНКМ. Нельзя также недооценивать влияние на формирование современного универсального (глобального) эволюционизма философско-хозяйственных новаций С. Булгакова, теории больших циклов конъюнктуры Н. Кондратьева, теории экономического развития Й. Шумпетера, серии научных разработок мегатрендов и эпох эволюции человечества Д. Белла, Дж. К. Гэлбрейта, У. Ростоу, Э. Тоффлера и других.

В соответствии с философско-научными стандартами, картина мира должна вводиться *коррелятивно идеалам и нормам науки* (ИНН) как базовым императивам научного этоса, которые получают в картине мира свою реализацию и конкретное воплощение. Это верно в отношении всех *уровней* содержания известных видов ИНН: описания и объяснения, доказательности, обоснования и организации знаний. Взять, к примеру, идеалы научного *объяснения*. Высказывания, описывающие картину мира, представляют собой *принципы*, опираясь на которые, исследователь строит объяснение явлений. ИНН регулируют становление дисциплинарных онтологий, а также целенаправляют их синтез в ОНКМ, в которой, как правило, универсализируются идеалы описания и объяснения лидирующих отраслей науки [4, с. 169–170]. Разумеется, этим миссия ИНН не исчерпывается. Будучи *институтами* научной деятельности, они призваны *упорядочивать* движение всех ее составляющих (в том числе и научных конструкций). Например, на этапе *рождения* и первых шагов *становления* теории приоритетным является алгоритмизирующее, регламентирующее и катализирующее воздействие указанных институтов на процесс исследования. В дальнейших *развитии* и *развертывании* теории важна ограничивающая и корректирующая роль этих институтов. Они же во многом “ответственны” за фиксацию и легитимацию полученных теоретических результатов, тем самым открывая перед ними перспективы трансформации в прикладное знание. Но ИНН не являются догматами веры. Процесс исследования, раз начатый благодаря их упорядочивающему влиянию, рано или поздно обретает собственную логику движения, нередко выходит за первоначально заданные границы объекта и предъявляет новые требования к ИНН. Если ИНН не могут дать своевременный и достойный ответ на полученный вызов, ученый вынужден их перестраивать или обращаться к иным идеалам и нормам, заимствованным из других отраслей знания и (или) впервые открытым [4, с. 162–177].

* Пунктиром с точкой на рисунке 2 обозначены те содержательные характеристики ОНКМ, которые лишь частично инкорпорированы КЭР.

В связи с обозначенным историческим характером ИНН важно понимать их соотношенность с этапами развития науки, соответствующими ОНКМ и КЭР. Классическая, неклассическая и постнеклассическая наука несет на себе печать культуры, мировоззренческих установок и ценностей, философских идей соответствующей эпохи, а имманентные этим этапам ОНКМ вводятся коррелятивно доминирующим ИНН. Естественным образом ИНН как *институты науки* упорядочивают* эволюцию и взаимодействие КЭР. На рисунке 3 представлены ИНН, наиболее характерные для классической, неклассической, постнеклассической науки и соответствующих ОНКМ, а также проекция некоторых из них на классическую, неоклассическую, институциональную и интегративную КЭР. Так, в становлении и развитии *классической КЭР* важную роль сыграли имманентные классической науке и ОНКМ: а) *эпистемологические основания* — наблюдение и экспериментирование с объектами, “внезаходимость” субъекта познания, то есть его дистанцирование от объекта; б) *идеалы и нормы*: 1б) описания и объяснения исключительно характеристик объекта с использованием математического аппарата; 2б) доказательности и обоснованности знаний — очевидность, наглядность, подтверждение опытом; в) *принципы* монизма и редукционизма; г) корреспондентский подход к истине. *Неоклассической КЭР* “на вооружение” взяты деятельностная природа познания, установки на включенность субъекта познания в состав объекта, точность и непротиворечивость познания, принципы неопределенности и дополненности, прагматический подход к истине и др. Современная ФЭН должна быть восприимчива к ИНН, которые отвечают духу времени и с которыми корреспондируют *институциональная и интегративная КЭР*.

Результатом рефлексии над основаниями науки (философскими основаниями, картиной мира, идеалами и нормами), а также существующими теоретическими представлениями об объекте являются аксиоматика, предпосылки и рамки исследования, перечень “прочих равных условий”, конкретизация объекта и предмета. Указанная рефлексия сопровождает весь жизненный цикл исследования и выражается в том числе во взаимном отображении оснований науки и процесса, а также результатов исследования. Однако сама рефлексия является всего лишь частью еще более сложного взаимодействия, с одной стороны, самодвижения научной мысли, детерминируемого, прежде всего, внутренними причинами, а с другой — составляющих (элементов и компонентов) ЭЗ, экзогенных экономических, социальных и политических реалий. Очевидна невозможность изображения столь масштабной картины даже в серии монографий. Поэтому ограничимся “набросками” ее фрагментов, имеющих непосредственное отношение к *генезису* теории.

О генезисе ЭЗ

По справедливому замечанию В. Степина, проблема генезиса теории и ее понятийного аппарата предстает, прежде всего, как проблема *генезиса теоретических схем*. Вначале они создаются как *гипотезы*, а затем обосновываются опытом [4, с. 492]. Как правило, гипотезу предваряет ведущая идея, или *концепция* — “зародыш” будущей, еще не родившейся теории. Гипотеза сложнее концепции в том смысле, что представляет первичную объяснительную схему изучаемого объекта, в которой сочетаются научные и вненаучные элементы и которая в одной или нескольких последовательно параллельных вариантах предваряет теоретическую схему. *Построение гипотезы* может осуществляться двумя основными *способами*.

* В принятом здесь широком смысле упорядочивание включает целенаправление, ограничение, регламентацию, мотивацию, трансляцию, коммуникацию, легитимацию и некоторые другие элементы.

Во-первых – в процессе мыслительной теоретической обработки эмпирических схем, выделения в них сущностных абстрактных объектов и их связей. Этот путь характерен для ранней стадии развития науки. На поздней стадии он используется в случаях вовлечения в сферу научных интересов тех новых объектов, для теоретического освоения которых еще не выработано достаточных средств [4, с. 214–220]. *Во-вторых* – путем перенесения абстрактных объектов из других компонентов теоретического знания в новую “сетку отношений” и установления их связей с уже имеющимися абстрактными объектами *. Такой способ характерен для развитой науки и может реализоваться за счет 1) содержательных операций с ТАО; 2) выдвижения математических гипотез. В этом случае вместе с гипотетическими уравнениями неявно вводится и гипотетическая схема (модель), обеспечивающая предварительную интерпретацию уравнений [4, с. 492]. Как правило, реальные научные исследования демонстрируют различные варианты сочетания указанных способов построения гипотетических теоретических схем (ГТСх).

Обоснование ГТСх предполагает доказательство того, что она является абстрактным изображением изучаемого объекта. Обычно ГТСх считается обоснованной, если выведенные в ее рамках предсказания ЭАО и ЭАСх *соответствуют* таковым, полученным на базе реальных экспериментов. Но как добиться подобного соответствия? Для нас важны такие *аспекты* этой весьма сложной проблемы.

Первый. Результаты *непосредственного* сопоставления ГТСх с эмпирическими примерами, как правило, не однозначны: одни примеры могут ее подтверждать, а другие – опровергать. И дело здесь не в ГТСх самой по себе, а в игнорировании последовательных этапов приближения к ней от исходной эмпирики. По мнению С. Лебедева, “поскольку теория проверяется на опыте всегда не сама по себе, а только вместе с присоединяемой к ней определенной эмпирической интерпретацией, то ни согласие этой системы с данными эмпирического опыта, ни противоречие им не способны однозначно ни подтвердить, ни опровергнуть теорию саму по себе” [6, с. 69]. С этим можно согласиться только в случае *несоответствия* промежуточных интерпретационных схем последовательным теоретико-эмпирическим схемам, отражающим восхождение от сущности к ее формам, представляемым эмпирией.

Второй. Необходимым средством достижения искомого соответствия и подтверждения истинности ГТСх служит *метод ее конструктивного обоснования*. Речь идет о понятийной деятельности исследователя, о серии мысленных экспериментов, в процессе которых ГТСх и ее объекты адаптируются ** посредством ЭАО и ЭАСх к реальному объекту и его составляющим. Если не все абстрактные объекты ГТСх прошли процедуру адаптации, то неизбежны *парадоксальные* исследовательские ситуации – такие, как взаимоисключаемость разных признаков одного и того же абстрактного объекта; гетерофобия разных абстрактных объектов; логическая противоречивость разных взаимосвязанных гипотетических и (или) теоретических суждений. Наличие таких парадоксов свидетельствует о неадекватности теоретической схемы строению и структуре изучаемого объекта и о необходимости ее перестройки с последующей адаптацией [4, с. 237–239, 492]. Не менее сложны *процедуры обоснования математической гипотезы*, отработанные в не-

* “В новой системе отношений абстрактные объекты наделяются новыми признаками, и это приводит к появлению в гипотетической модели нового содержания, которое может соответствовать еще не исследованным связям и отношениям предметной области, для описания и объяснения которой предназначается выдвигаемая гипотеза” [4, с. 346]. Это теоретическое “происхождение” гипотетической схемы позволяет именовать ее “теоретической”.

** В процессе такой адаптации используется в том числе и процедура выводимости одних утверждений из других, истинность которых уже доказана [4, с. 30].

классической науке. Основные из них: 1) экспликация гипотетической модели, вводимой первоначально с новыми уравнениями, заимствованными из другой, близкой сферы; 2) отображение этой модели на изучаемый объект; 3) сопоставление системы “уравнение плюс гипотетическая модель” с ЭАО и ЭАСх; 4) перестройка модели в случае их рассогласования; 5) конструктивное обоснование новой модели; 6) новое сопоставление системы “уравнение плюс его новая интерпретация” с эмпирическими данными [4, с. 285–286]. Разумеется, не исключены адаптационные изменения и самого уравнения.

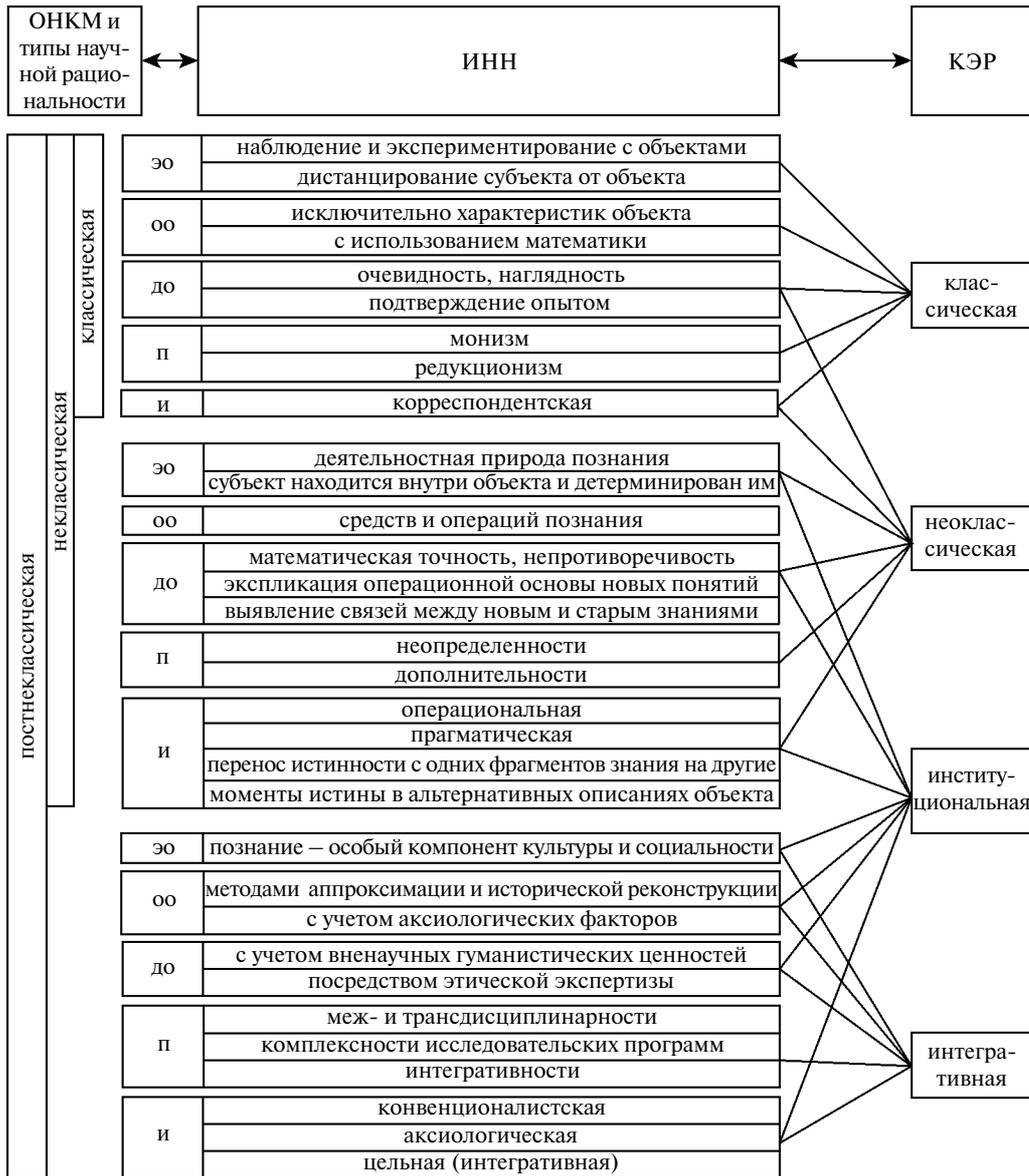

Рис. 3. ИНН в их соответствии ОНКМ и КЭР

Условные обозначения: эо – эпистемологическая основа ИНН; оо – ИНН описания и объяснения; до – ИНН доказательности и обоснованности; п – принципы построения и организации знаний; и – истина.

Третий. В ЭТЗ для обоснования ГТСх целесообразно использование *прикладных схем и объектов*. Эффективно работающая ПАСх, которая обеспечивает адекватную реализацию заложенных в теоретической схеме возможностей изменения

изучаемого объекта в том числе посредством сознательной деятельности, является дополнительным свидетельством истинности ГТСх.

Четвертый. В соответствии со стандартами постнеклассической науки, претендующей на изучение сверхсложных человекоразмерных систем, обозначенные выше процедуры и средства обоснования ГТСх необходимы, но *не достаточны*. Достаточность обоснования истинности теоретического знания предполагает *рефлексию над его отношением* не только к изучаемому объекту, результатам его практического применения, политическим реалиям, но и к средствам и операциям научной деятельности, социальным сетям, в том числе коммуникациям в научном сообществе, гуманистическим ценностям, а также к иным составляющим и связям ЭЗ, отвечающим содержанию и характеру исследования. Разумеется, по причине чрезвычайной сложности такой рефлексии и слабой разработанности ее инструментария реально достижимо “не вполне полное” обоснование ГТСх. Но само обоснование остается обязательным, а его процедуры, средства и инструменты должны быть отобраны соответственно целям и условиям данного конкретного познавательного процесса.

В реальном познавательном процессе *выдвижение и обоснование ГТСх сосуществуют и взаимодействуют*, в силу чего для обоснования одной ГТСх требуется выдвижение другой. К тому же на том или ином этапе оперирования ГТСх нередко оказывается, что ею не ассимилирован необходимый эмпирический материал. Тогда происходит возвращение к исходному эмпирическому “пункту”, ГТСх пересматривается за счет трансформации имеющихся абстрактных объектов и (или) введения новых и вновь обосновывается. Это *движение между теоретическим и эмпирическим уровнями ЭЗ*, когда рефлексия над ГТСх сменяется движением от нее к ЭАСх, а затем — от последней к первой, осуществляется до тех пор, пока ГТСх не превратится в теоретическую схему [4, с. 242]. Однако следует признать, что по разным причинам (прежде всего, ввиду сложности процедуры обоснования) этот конечный пункт не всегда достижим, а потому ученым нередко приходится мириться с наполнением теорий не “чистыми” ТАО и ТАСх, а с “примесью” гипотетических элементов, то есть с реальным существованием *теоретико-гипотетических* абстрактных объектов и схем, причем не только частных, но и фундаментальных. Для ясности констатируем: в ГТСх безусловно доминирует гипотетическая составляющая, а в теоретико-гипотетической абстрактной схеме — теоретическая.

Наверняка не покажется странным, что гипотетические элементы играют немаловажную роль в *развертывании* теории, которое включает не только рассмотренное выше движение от ЧТСх к ФТСх и в обратном направлении *, переход от ФТСх к ЧТСх большей степени конкретизации ** вплоть до ПАСх, но и *экспансию*

* “Построение развитой теории осуществляется как поэтапный синтез и обобщение частных теоретических схем и законов. В каждом новом шаге этого обобщения проверяется сохранение прежнего конструктивного содержания, что автоматически вводит образцы редукции обобщающей теоретической схемы к частным. На заключительном этапе теоретического синтеза, когда создается фундаментальная теоретическая схема и формируются базисные законы теории, проверка их конструктивного смысла осуществляется как построение на основе полученной фундаментальной теоретической схемы всех ассимилированных ею частных теоретических схем. В результате возникают парадигмальные образцы решения теоретических задач. Последующее развитие теории и расширение области ее приложения включает в ее состав новые образцы. Но базисными остаются те, которые возникли в процессе становления теории” [4, с. 492–493].

** “Развертывание теории предполагает построение новых уровней и слоев содержания теории на основе конкретизации теоретического знания о реальном предмете. Это связано с включением в состав теории новых допущений, с построением более содержательных идеализированных объектов... В итоге конкретизация теории приводит ее к развитию в систему взаимосвязанных теорий, объединяемых лежащим в ее основании идеализированным объектом” [11, с. 650].

теории за *пределы* изучаемого ею *объекта*, расширение сферы ее приложения. Речь идет о претензиях теории на адекватное описание и объяснение не только *развивающегося* “родного” объекта, но и этого объекта во взаимосвязи с иными, а также этих последних. Такая экспансия требует совершенствования и перестройки существующих ЧТСх и построения новых — “дочерних” и “внучатых”, но своим естественным пределом имеет потенции, заложенные в ФТСх теории, в ее исходных предпосылках и в адекватной ей КЭР. Гипотетические “примеси” придают теоретическим схемам известную пластичность, расширяют адаптационные возможности теории, формируют каналы движения научной мысли в новое теоретическое пространство. *Отказ* от данной теории происходит вместе с исчерпанием указанных потенций и непосредственно связанных с ними объяснительно-предсказательных возможностей и парадигмальных образцов. *Эволюционный* этап движения теории завершается, и она вступает в режим бифуркации: либо ее ФТСх будет *революционизирована* (то есть качественно перестроена в соответствии с императивами новых реалий), и она продолжит свой жизненный цикл, пусть даже в новом качестве, либо она станет достоянием истории.

Обычно в философии науки внимание акцентируется на *революциях общенаучного* и (или) *дисциплинарного масштаба*, которые связываются с перестройкой соответствующих философских оснований, картины мира и ИНН. Выделяются два основных *типа* революций. Революции *первого* типа, описанные Т. Куном, характеризуются аномалиями и кризисами, вызываемыми экспансией науки в новые предметные области (например, становление теорий относительности и квантовой механики). Революции *второго* типа могут возникать без аномалий и кризисов, за счет междисциплинарных взаимодействий и “парадигмальных прививок” — трансляции из одной науки в другую различных элементов дисциплинарных онтологий, идеалов и норм, философских оснований, что стимулирует переформулировку прежних задач научной дисциплины, постановку новых проблем и применение новых средств их решения (например, обменные процессы между кибернетикой, биологией и лингвистикой) [4, с. 493].

Однако, наряду с революциями *глобальными* — общенаучными и дисциплинарными, происходят также революции *локальные*, которые вызывают кардинальные изменения в отдельных элементах и (или) компонентах блоков строения ЭЗ и (или) их взаимосвязях. Такие революции нечасто становятся самостоятельным объектом *философско-научного* изучения (например, кейнсианская революция). Между тем они являются неотъемлемой, самоценной и весьма важной составляющей общего потока революционно-эволюционных изменений науки. Вряд ли глобальные революции осуществимы без накопления определенной “критической массы” локальных, хотя отдельные локальные революции не всегда сопровождаются глобальными. Следует признать, что осмысление диалектики описанных революций, их типологии (впрочем, как и общей проблематики строения, структуры и эволюции ЭТЗ) все еще отстает от темпов развития самого ЭТЗ и ждет своих исследователей.

Итак, ближайшее рассмотрение обнаруживает весьма сложное строение, структуру и генезис ЭТЗ. Разумеется, степень его сложности рассмотренным не исчерпывается. Но эта сложность отнюдь не пугает, а вдохновляет тех, кто прекрасно понимает: чтобы ФЭН достойно отвечать на новые вызовы, *сложность ее внутренней самоорганизации должна быть соразмерной*, то есть, по крайней мере, не уступать *сложности изучаемого ею объекта*.

Список использованной литературы

1. Урманцев Ю.А. О формах постижения бытия // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 95–103.
2. Тарасевич В.Н. Апология экуники (об экономическом научном и универсумном знании) // Экономическая теория. – 2011. – № 11. – С. 5–20.
3. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 61–73.
4. Степин В.С. Теоретическое знание [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.philosophy.ru/library/stepin.
5. Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 18–25.
6. Лебедев С.А. Уровни научного знания // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 62–75.
7. Ленин В.И. Философские тетради / Полн. собр. соч. – Т. 29.
8. Спиркин А.Г. Основы философии : учеб. пособ. для вузов. – М. : Политиздат, 1988. – 592 с.
9. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях ; [отв. ред. О.И. Ананьин]. – М. : Наука, 2008. – 255 с.
10. Ракитов А.И. Синтагматическая революция (50 лет спустя) // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 100–109.
11. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
12. Історія економічних учень : підручник ; [за ред. В.Д. Базилевича]. – К. : Знання, 2004. – 1300 с.
13. Кун Т. Структура научных революций. – М. : АСТ, 2003. – 605 с.
14. Тарасевич В.Н. Экуника: гипотезы и опыты. – М. : ТЕИС, 2008. – 565 с.
15. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. – М. : ИЭ РАН, 2008. – 540 с.

References

1. Urmantsev Yu.A. *O formakh postizheniya bytiya* [On the forms of comprehension of the reality]. *Voprosy Filosofii – Philosophical Questions*, 1993, No. 4, pp. 95–103 [in Russian].
2. Tarasevich V.N. *Apologiya ekuniki (ob ekonomicheskom nauchnom i universumnom znanii)* [Ecunics apology (on the economic scientific and universum knowledge)]. *Ekonomicheskaya Teoriya – Economic Theory*, 2011, No. 11, pp. 5–20 [in Russian].
3. Kasavin I.T. *Mezhdistsiplinarnoe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii* [Interdisciplinary study: to the notion and the typology]. *Voprosy Filosofii – Philosophical Questions*, 2010, No. 4, pp. 61–73 [in Russian].
4. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge], available at: www.philosophy.ru/library/stepin [in Russian].
5. Stepin V.S. *Nauchnaya ratsional'nost' v tekhnogennoi kul'ture: tipy i istoricheskaya evolutsiya* [Scientific rationality in a technogenous culture: types and historical evolution]. *Voprosy Filosofii – Philosophical Questions*, 2012, No. 5, pp. 18–25 [in Russian].
6. Lebedev S.A. *Urovni nauchnogo znaniya* [Levels of scientific knowledge]. *Voprosy Filosofii – Philosophical Questions*, 2010, No. 1, pp. 62–75 [in Russian].
7. Lenin V.I. *Filosofskie Tetradi, v: Polnoe Sobranie Sochinenii* [Philosophical Notebooks, in: Complete Collection of works]. Moscow, Polit. Liter., 1960, Vol. 29 [in Russian].

8. Spirkin A.G. *Osnovy Filosofii* [Foundations of Philosophy]. Moscow, Politizdat, 1988 [in Russian].

9. *Ekonomika kak Iskusstvo: Metodologicheskie Voprosy Primeneniya Ekonomicheskoi Teorii v Prikladnykh Sotsial'no-Ekonomicheskikh Issledovaniyakh, otv. red. O.I. Anan'in* [Economics as Art: Methodological Questions of Applications of the Economic Theory in Applied Socio-Economic Studies], edited by O.I. Anan'in. Moscow, Nauka, 2008 [in Russian].

10. Rakitov A.I. *Sintagmaticheskaya revolyutsiya (50 let spustya)* [Syntagmatic revolution (in five decades)]. *Voprosy Filosofii – Philosophical Questions*, 2012, No. 7, pp. 100–109 [in Russian].

11. *Filosofskii Entsiklopedicheskii Slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovet. Entsiklop., 1989 [in Russian].

12. *Istoriya Ekonomichnykh Uchen', za red. V.D. Bazylevycha* [History of Economic Doctrines], edited by V.D. Bazylevych. Kyiv, Znannya, 2004 [in Ukrainian].

13. Kuhn T. *Struktura Nauchnykh Revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST, 2003 [in Russian].

14. Tarasevich V.N. *Ekunika: Gipotezy i Opyty* [Economics: Hypotheses and Experiments]. Moscow, TEIS, 2008 [in Russian].

15. Grinberg R.S., Rubinshtein A.Ya. *Osnovaniya Smeshannoi Ekonomiki. Ekonomicheskaya Sotsiodinamika* [Foundations of a Mixed Economy. Economic Sociodynamics]. Moscow, IE RAS, 2008 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 22 июля 2013 г.
